

Никто теперь не принимает 80—70-е гг. до н. э. (стр. 161, прим. 187), как начало правления Кадфиза II (по мнению большинства авторов — 15 г. до н. э., по Смиты — 45 г. н. э.). Характерно, что в «Хронологической таблице» (стр. 170) деятельность Кадфиза датируется... 50—60 гг. н. э. Разница в дате больше чем на век, в одной и той же книге! Неверно, что «все памятники «согдийской» письменности, найденные за последние полвека, относятся к гораздо более поздней эпохе, не ранее VII—VIII века» (стр. 763, прим. 213). Автору остались неизвестными уже упомянутые мною документы первоклассного исторического значения — согдийская переписка II века н. э.

Неверно, что «Судэ раньше — Юегянь, вероятно, Ургенч в Хоразмии» (стр. 164, прим. 230). Неверно, что «столица Давани Гуй-Шань, вероятно, на месте нынешнего Коканда» (стр. 162). По всем данным, — это позднейший Касан. Повторяю, мы не претендуем на то, чтобы исчерпать все вкравшиеся в комментарий фактические ошибки, но приведенных достаточно, чтобы считать необходимой при повторном издании полную переработку введения и примечаний.

Исключительно обильны опечатки, особенно нетерпимые в собственных именах, где их как раз больше всего. «Оамирис» вместо «Тамирис» (стр. 34), «дандинарское искусство» вместо «ганхарское» (стр. 154), «каспии» вместо «касии» (стр. 149), где благодаря этой опечатке получается полная неразбериха; автор (прим. 21), видимо, доказывает правильный тезис, что два упоминания каспиев у Геродота — результат описки, и что во втором случае надо читать, как у Птолемея, — касии, но типография повторила ошибку переписчиков Геродота, заставив автора утверждать, что надо читать не каспии, а... каспии).

«Туркестанский оазис» вместо, вероятно, Туркменистанский оазис (стр. 150, прим. 26); один раз Джань-Цань (стр. 12), два раза «Чжан-Цань (стр. 100 и 161) вместо Чжан-Цянь; китайский полководец Банчжоо (стр. 13) вместо Бань-Чао (на стр. 113, при перепечатке текста Бичурина, это имя приведено правильно), Зань-Су вместо Кань-су (стр. 166) и т. п. При этом опечаток гораздо больше в введении и в примечаниях, чем в основном тексте, выверенном в общем удовлетворительно. Конечно, от всего этого книга сильно проигрывает, не соответствует полностью по своему качеству задаче, на ней лежащей, — помочь малоподготовленному читателю разобраться в трудном материале хрестоматии. Приходится, к сожалению, констатировать, что при составлении введения и комментариев была допущена крайняя небрежность, доходящая до того, что авторы по-разному пишут одни и те же имена и датируют в разных местах одни и те же события с колебанием более чем в сто лет (Кадфиз I).

Однако, с учетом изложенного выше, хрестоматия будет и в этом виде полезным пособием для изучения истории Средней Азии, а второе издание, если оно исправит указанные недочеты, сможет стать настольной книгой не только для широких кругов читателей, интересующихся историей нашей родины, но и для специалистов-историков СССР.

С. Голтсов

К вопросу о датировке культуры кауччи

Г. В. ГРИГОРЬЕВ, Кауччи-Тена (раскопки 1935 г.). В. И. ГРОМОВА, Материалы к изучению домашних животных Средней Азии, Ташкент, 1940, 64 стр., 50+3 рис., цена 4 р. 50 к. Г. В. ГРИГОРЬЕВ. Краткий отчет о работах Янгиюльской экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, 40 стр., 79 рис., цена 2 р. 50 коп.

Г. В. Григорьев принадлежит к числу наиболее энергичных исследователей древностей Средней Азии. Его работы в окрестностях Ташкента и Самарканда обогатили наши более чем скромные сведения исключительно ценными материалами для истории дофеодальной Согдианы и области Шаша.

Однако именно значительность добытых Г. В. Григорьевым материалов заставляет особенно внимательно отнестись к их интерпретации этим исследователем как со стороны датировки, так и со стороны социально-экономического и исторического истолкования. Это тем более важно, что заключения, сделанные им в результате исследований, публикация которых является предметом настоящей рецензии, уже вошли, так сказать, в научный оборот.

Датировка культуры Каунчи-Тепа и сходных памятников, даваемая Г. В. Григорьевым, послужила прежде всего ему самому одним из аргументов в пользу его датировки ранних слоев наиболее важного из открытых им памятников — городища Тали-Барзу близ Самарканда, а от этой последней зависят весьма важные выводы, к которым приходит К. В. Тревер в исследовании интереснейшей находки Г. В. Григорьева в Тали-Барзу, — изображения быка с человеческой головой на черепке хума. В. И. Громова в своей статье, напечатанной в первой из рецензируемых брошюр и посвященной исследованию остеологических материалов из Каунчи-Тепа, также отправляется от датировок Г. В. Григорьева, хотя — это надо отметить — неизменно подчеркивает их условность, сопровождая свои весьма важные заключения по истории домашних животных Средней Азии оговоркой: «если правильна датировка Г. В. Григорьева» (стр. 45 и др.). Больше того. Его даты вошли в текст печатного макета I тома академической «Истории СССР»¹, Между тем именно эти датировки возбуждают весьма и весьма серьезные сомнения.

Уже первая публикация Г. В. Григорьевым материалов из Каунчи-Тепа², сопровождавшаяся далеко идущими историческими выводами, неразрывно связанными с датировкой культуры Каунчи, вызвала серьезную критику со стороны А. И. Тереножкина³, подчеркнувшего, что датировка Г. В. Григорьевым «архаических городищ» окрестностей Ташкента серединой I тысячелетия до н. э.⁴ базируется «лишь на случайном сходстве только одного кубковидного сосуда с ручкой в виде барана из Каунчи-Тепа с некоторыми сосудами из погребений III—II веков до н. э. на Северном Кавказе и в Причерноморье».

Я думаю, что теперь, когда благодаря работам последних лет в наших руках находится несравненно более богатый материал по домусульманской культуре Средней Азии, чем два года назад, мы можем с полной определенностью заявить, что датировка Г. В. Григорьева не только сомнительна, но просто неверна, и весь вопрос о культуре Каунчи должен быть целиком пересмотрен.

Сам Г. В. Григорьев не смог обойти ряда весьма серьезных параллелей между его керамикой и керамикой усуньских могильников Семиречья, датируемых II веком до н. э. — I веком н. э. Он отмечает («Краткий отчет», стр. 6) что по технике некоторые сосуды из наиболее нижних слоев его памятника (лежащих «на материковом лесе») очень близки к сосудам из Семиречья, которые М. В. Воеводский датирует усуньским временем. Однако Г. В. Григорьев тут же элиминирует эту параллель, заявляя, что «принцип изготовления керамики, описанной Воеводским» в долине Чу остался как глубокий пережиток (если принять датировку Воеводского и поверить ему в отношении техники изготовления этих сосудов на шаблоне).

Однако, если аналогия с материалами усуньских могильников могла еще быть отброшенной, серьезнее обстоит дело с домусульманскими городищами Хорезма, которые хорошо датируются монетами и дают уже не одну, а множество параллелей с

¹ М. П. Г р я з н о в и Б. Б. П и о т р о в с к и й. Средняя ступень варварства (эпоха меди и бронзы), § 7. Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. «История СССР», I—II; М.-Л., 1939, стр. 157—158.

² Г. В. Г р и г о р ь е в. Отчет об археологической разведке в Янгйюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935.

³ А. Т е р е н о ж к и н. Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, 1939, № 1, стр. 188—189.

⁴ Г. В. Г р и г о р ь е в. Цит. соч., стр. 39.

каунчинской культурой, при этом параллелей, отнюдь не способствующих подкреплению датировки Г. В. Григорьева.

Подавляющее большинство форм керамики из верхнего слоя Каунчи, который, по Григорьеву («Каунчи-Тепа» стр. 40), «относится к началу появления железа в данной местности и, повидимому, оставлен народом саков», встречается ближайшие аналогии в позднекушанской и афригидской культуре Хорезма. Так, железные наконечники стрел и копий из Каунчи-Тепы («Каунчи-Тепа», стр. 11, рис. 7; стр. 40, рис. 50; «Отчет», стр. 25, рис. 29) совершенно аналогичны наконечникам из Тешик-кала и Беркут-кала, которые датируются монетами VII—VIII веков н. э. Этот тип мог появиться в Хорезме не раньше начала афригидского времени (IV—V века), так как в кушанском памятнике, датированном монетами Канишки II века н. э. (Аяз-кала, дом № 1), мы встречаем еще переживающие трехгранные медные стрелы скифского типа. «Крышки от котлов», дисковидные, с грубым ямочным орнаментом по краям, совершенно тождественны крышкам из упомянутого памятника II века н. э. Ручки от сосудов в виде животных, правда, не найдены нами в слое, но в изобилии встречаются в подъемном материале однослойных кангюйских городищ III века до н. э. — I века н. э. Да и послуживший отправной точкой Г. В. Григорьеву северокавказский сосудик, украсивший обложку первого его отчета, по его собственным словам («Разведка», стр. 39), «датируется III—II веками до н. э. Существуют подобные сосуды и в более позднее время (так наз. римская эпоха)»¹. Сосуд с уплощенным боком («Отчет», рис. 20, текст, стр. 6) тождествен с таким же в доме II века в Аяз-кала. Сосуды («Отчет», рис. 55—56) также встречают прямую аналогию в Аяз-кала. Некоторые формы «двуругих» глиняных подставок под котлы, изображающих, по мнению Г. В. Григорьева, головы быков («Отчет», рис. 49), встречаются, притом в изобилии, только в памятниках афригидского времени, датируемых монетами IV—VI веков н. э. В слоях кангюйско-кушанских памятников Хорезма их нет совершенно. Биконические пряслица Каунчи II («Отчет», рис. 35) характерны также преимущественно для афригидских памятников. Грубые горшки, сделанные без гончарного круга, характерные для Каунчи II, также весьма типичны для афригидских памятников Хорезма («Отчет», рис. 3, 13, 14, 35).

Курьез получился с «глиняными шариками для стрельбы из лука» («Отчет», рис. 28), обнаруженными в «сплошных глинобитных кладках» раскопа 7 (1937 г.) на глубине 1,3 метра («Отчет», стр. 7). Эти шарики нам хорошо знакомы. Они были найдены нами в швах трех нижних рядов кирпича одной из внутренних стен донжона Тешик-кала (VII—VIII века). Хотя назначение их неясно (я предполагаю как единственно возможное, — магическое назначение), служить для стрельбы из лука они, конечно, не могли, ибо было бы нелепо замуровывать их в стену или в «сплошные глинобитные кладки», как у Г. В. Григорьева.

В целом материал Каунчи II выступает как достаточно пестрый. Если ручки в виде животных и дисковидные крышки тянут к первым векам до н. э. и к началу нашей эры, то вся остальная масса материала скорее тяготеет к середине I тысячелетия н. э. Если Каунчи II действительно один слой, тогда его надо датировать II—IV веками н. э. Впрочем, в однородности его приходится серьезно сомневаться, к чему мы еще вернемся ниже, и весьма вероятно, что часть материала может быть связана с Каунчи I, а часть — датирована V—VI веками н. э.

Перейдем к Каунчи I, который, по мнению Григорьева, абсолютно ничем не аргументированному, относится к периоду конца бронзы, т. е. к концу II, к началу I тысячелетия до н. э. («Каунчи», стр. 39). Буквально все формы, найденные Григорьевым в Каунчи I, мы встречаем в кангюйско-кушанских, и в первую очередь — именно кушанских, датированных монетами, слоях хорезмских памятников. Сюда относятся чаши с дисковидным поддоном, с красной ангобой и со следами лощения («Каунчи», рис. 48, 50); сюда относятся совершенно тождественные хорезмским по своему профилю миски (рис. 47, 50); сюда относятся характерные хумы со слегка отогнутой закраи-

¹ Отметим, что эти ручки в Причерноморье характерны именно для римско-сарматского времени и отсутствуют в скифских памятниках.

ной (рис. 49, 50); сюда относится «раскраска бурыми полосками» (рис. 49), совершенно тождественная, насколько можно судить по рисунку, раскраске одного из хумов в датированном II веком н. э. доме в Аяз-кала; сюда по своей форме относится сосуд, изображенный на рис. 19 «Отчета». Наконец, видимо, сюда надо отнести отмеченные выше формы сосудов, относимые Григорьевым к Каунчи II («Отчет», рис. 20). Плоские пряслица из керамики и «глиняные» (пастовые) бусы («Каунчи», рис. 45) также встречают аналогию в эллинистических кушанских городищах Хорезма. Наконец, часто встречающаяся «образная тамга» характерна для кирпичей дома II в. в Аяз-кала № 3 и для хорезмских надчеканок на кушанских монетах. Все это позволяет датировать Каунчи I кушанским временем (I—II века н. э.) или, самое раннее, временем кангюйским (III—I века до н. э.).

Странным является лишь утверждение о полном отсутствии в Каунчи керамики, изготовленной на гончарном круге. И кангюйско-кушанские и афригидские городища Хорезма знают гончарный круг, хотя керамика, сделанная без круга, особенно в афригидских памятниках, весьма обильна, что связано с упадком в эту эпоху городского ремесла. Однако указание Г. В. Григорьева («Отчет», стр. 12—13), что в Алимбай-тепе, формы керамики которого, по его же определению, тождественны Каунчи, круг применялся, заставляет считать его данные об отсутствии круга в Каунчи требующими проверки.

Насколько Г. В. Григорьев поспешен в своих сопоставлениях, можно судить по рис. 58, 59, 60 «Краткого отчета» и тексту на стр. 10, где он об «амулете» с изображением оленя из Каунчи II пишет: «Трактовка оленя очень характерна. Она напоминает изображения животных на трипольской керамике (рис. 59), на керамике из Закавказья (рис. 60) и из Суз». Не знаю, какую керамику из Суз Г. В. Григорьев имеет в виду, но приведенные им же самим рисунки, долженствующие доказать его тезис, доказывают на деле совершенно обратное. Всякий непредубежденный читатель легко может убедиться, посмотрев на рисунки в его брошюре, что изображение оленя из Каунчи, трактованное статически, имеющее грубый угловатый контур, ничего общего не имеет с крайне динамичными, схематизированными в совершенно ином направлении изображениями из Вимге Злотэ и Еленендорфа.

В заключение — несколько слов о методике раскопок Г. В. Григорьева. Проведя в окрестностях Ташкента очень широкие экстенсивные работы, он, как правило, ограничивался лишь разведочными шурфами на склонах многослойных, исторически сложных городищ. Ни в одном случае им не было заложено раскопа сколько-нибудь значительной площади, ни в одном случае его раскопы не позволяют разобраться в сложных взаимоотношениях одновременных строительных комплексов. Его отчеты пестрят формулировками: «идут сплошные оплывшие и разрушенные глинобитные кладки, в которых уловить очертания построек не удалось» («Отчет», стр. 5), «здесь шли сплошные глинобитные кладки, разрушенные и размытые, образующие иногда пустоты» (там же, стр. 7) и т. п.

Все чертежи, планы и профили раскопов, приводимые Григорьевым, свидетельствуют о крайней деформации и смещении слоев, их перерывности древними мусорными ямами, переслоенности строительным мусором различных периодов. Этого естественно ожидать на склонах городищ, имеющих, благодаря особенно интенсивной строительной деятельности, наиболее сложную и запутанную стратиграфию и, благодаря местоположению, сильное всего деформированных под влиянием климатических агентов. Достаточно взглянуть на профили рис. 3 и 4 («Каунчи-Тепе») и рис. 25, 30, 48 («Краткий отчет»), чтобы убедиться в том, что надежных стратиграфических данных в своем распоряжении Г. В. Григорьев не имеет, и его распределение материала по слоям может приниматься лишь весьма и весьма условно.

В итоге приходится констатировать, что Г. В. Григорьевым допущена хронологическая ошибка почти на тысячелетие, понятная, может быть, для 1935 г., когда Г. В. Григорьев являлся по существу пионером в деле изучения домусульманских памятников Средней Азии, не располагая прочно датированным сравнительным материалом, но недопустимая в 1940 г., когда Г. В. Григорьев имел полную возможность овнако-

миться с семиреченскими, хорезмскими и другими материалами, сравнение с которыми, — как с каждым в отдельности, так и со всеми вместе — не оставляет сомнения в действительной дате Каунчи. И чем скорее будет исправлена эта ошибка, тем больше выиграет наше знание отдаленного прошлого Средней Азии, ибо материалы, открытые Г. В. Григорьевым, в правильном освещении должны занять место важного звена в реконструкции древней истории исследуемой страны.

С. Толстов

Проф. С. П. ТОЛСТОВ. Древняя культура Узбекистана, Ташкент, 1943, 35 стр., цена 1 р. 20 к.

Рецензируемая книжка принадлежит перу одного из крупнейших специалистов по истории Средней Азии. В ней умело использован не только письменный, исторический, но и археологический, лингвистический и этнографический материал.

Большое значение имеет уже первая глава — «Происхождение узбекского народа»; она показывает сложный состав узбекского народа. Древние согдийцы и хорезмийцы, кочевники — массагеты и саки, кочевые племена тюркского происхождения (VI—XIII века) и, наконец, золотоордынские узбеки, потомки половцев, смешиваясь на протяжении столетий, образовали современный узбекский народ.

Отсюда понятно, как велико и многообразно культурное наследие узбеков. Дальнейшие главы и посвящены описанию древнего пути культурного развития Узбекистана.

Автор справедливо уделяет большое внимание древности оросительных систем Хорезма и Нижнего Зеравшана, связывая с их построением развитие древнейших государств Средней Азии—Кангхи-Хорезма и Бактрии. Анализ Авесты позволяет выявить внутреннее устройство этих государств, сохраняющих еще, наряду с классовым делением, многие первобытно-демократические традиции. Особенно ярко выражаются эти традиции в типе поселений — обширных крепостей, непомерно широкие стены которых в толще своей скрывают жилые помещения, подобие первобытных длинных домов.

Страстная любовь к своей земле, готовность защищать ее от иноземцев отличали обитателей этих укрепленных поселений. Эти черты проявляются и в сохранившихся эпических произведениях и в произведениях, родившихся на основе первобытных мифов и генеалогических преданий. Образцом их С. П. Толстов считает эпопею о Рустеме и его сыне Сохрабе — древнем боге, покровителе Хорезма, превратившемся в народном представлении в прекрасного юношу-героя.

Богатство древней культуры Хорезма выражают и произведения изобразительных искусств. Для стиля искусства древнего Хорезма, столь близкого искусству Причерноморья и Сибири в скифо-сарматское время, С. П. Толстов дает очень удачное определение «героического реализма» (стр. 18).

Особое внимание уделяет автор и религиозной жизни древнего Хорезма, подчеркивая среднеазиатское происхождение религии Заратустры — маздеизма, ставшего впоследствии официальной религией персидской империи Ахеменидов, Парфянского и Сасанидского государств.

В главе «Культура Узбекистана в эллинистический период» большое внимание уделено героической борьбе народов Средней Азии с греко-македонскими армиями, а затем с государствами эпигонов.

Вместе с тем автор отмечает огромное культурно-историческое значение знакомства Средней Азии с эллинистической культурой, достижения которой, наряду с местными и индобуддийскими элементами, стали основой культурного развития в эпоху образования среднеазиатской империи Кушанов. Это — эпоха расцвета среднеазиатских народов, их ремесл и торговли. Крупнейшим достижением народов Средней Азии в это время является создание новой военной системы — строя и тактики тяжело-